

Нам, живущим

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Берегись!

Крик непроизвольно сорвался с губ Перри Нельсона, когда он рванул руль. Водитель зеленого седана его или не услышал, или не отреагировал. В следующие несколько секунд события проходили перед ним словно в замедленной съемке. Он увидел, как переднее левое колесо зеленого автомобиля проплыло мимо его машины, затем правое колесо его машины переползло через отбойник, машина соскользнула вслед за колесом и зацепилась за частокол. Он смотрел вверх капота и видел пляж — в ста тридцати футах под собой. Блондинка в зеленом купальнике тянулась к летящему мячу. Она подпрыгнула, чтобы достать мяч, обе руки простерты, одна нога подтянута. Девушка была очень изящна. Позади нее волна ударилась о песок. С застывшего гребня капали взбитые сливки. Он снова взглянул на девушку. Она все еще тянулась за мячом. Когда ее ноги коснулись земли, он вылетел из машины и его развернуло. Теперь перед ним были камни у подножия обрыва. Они приближались, и бесформенная груда превращалась в отдельные камни. Один камень выбрал его и взял курс на перехват. Камень был симпатичный, с одной стороны плоский и весь сверкающий на солнце. Он повернулся к Перри острым краем и рос, и рос, и рос, пока не заполнил собой весь мир.

Перри встал, потряс головой и поморгал. Затем с пугающей четкостью вспомнил увиденное в последние несколько секунд и непроизвольно вскинул руки. Но кам-

ня перед его лицом не было. Перед его лицом не было вообще ничего, кроме летящих снежинок. Исчезли пляж, обрыв и весь остальной мир. Его окружали только снег и ветер, проникающий под легкую одежду. Гложущая боль в области диафрагмы превратилась в острое чувство голода.

— Преисподняя! — воскликнул Перри.

Преисподняя. Да, должно быть, она, только холодная вместо горячей. Он принялся шагать, но ноги не слушались, и навалилось головокружение. Шатаясь, он сделал несколько шагов и упал лицом вниз. Слабость не позволила ему подняться, так что он решил минутку передохнуть. Он лежал, не двигаясь, и старался не думать, но пришедший в замешательство разум все еще бился над проблемой. Перри начал согреваться, когда разум нашел решение. Ну конечно! Девушка в зеленом купальнике поймала его и бросила в сугроб... мягкий сугроб... хороший, теплый сугроб... приятный... теплый...

— Вставайте, — трясла его девушка в зеленом купальнике. — Вставайте! Слышите? *Подъем!*

Что ей нужно?.. К черту игры, нельзя же шлепать человека по лицу, если хочется поиграть. Он с трудом поднялся на колени и рухнул опять. Девушка рядом снова залепила ему пощечину и продолжала изводить, пока он не встал на колени, затем она удержала его от нового падения и помогла подняться встать на ноги.

— Спокойно. Одну руку положите мне на плечи. Здесь недалеко.

— Я в порядке.

— Не глумитесь. Обопритесь на меня.

Он перевел взгляд на лицо своей спутницы и попробовал сфокусироваться. Действительно это она, девушка в зеленом купальнике, но какого черта она вырядилась, как адмирал Бэрд? Все вплоть до меховой парки. Впрочем, его усталый мозг тут же потерял к этому интерес, и Перри сосредоточил все свое внимание на том, чтобы переставлять заледеневшие свинцовые ноги поочередно.

— Здесь ступеньки. Тихо-тихо. Теперь не двигайтесь.

Девушка пропела одну чистую ноту, и перед ними отворилась дверь. Спотыкаясь, он вошел внутрь, и дверь за-

крылась. Девушка подвела его к дивану, заставила лечь и тихо вышла из комнаты. Наконец она вернулась с чашкой жидкости:

— Вот, выпейте.

Он потянулся к чашке, но онемевшие пальцы не желали ее держать, и напиток частично пролился. Девушка забрала чашку, подняла его голову свободной рукой и поднесла чашку к его губам. Он медленно выпил. Напиток оказался теплым и пряным. Перри провалился в сон, разглядывая ее обеспокоенное лицо.

Просыпался он медленно и, едва ли не прежде, чем осознал себя, проникся глубоким чувством комфорта и благополучия. Он лежал на мягкой, как пуховая перина, постели. Потянувшись под легким покрывалом, вдруг понял, что спал голышом, и открыл глаза. В просторной овальной комнате тридцати футов в длину он был один. Напротив него произрастал из стены чудной, но приятный на вид камин: вертикальный десятифутовый гиперболоид, похожий на половинку сахарной головы, с могучим зевом в основании — полка зева отстояла от пола комнаты дюймов на десять. Небо зева представляло собой второй гиперболоид, вогнутый. Внутри этой гаргантюанской пасти весело потрескивал огонь, разбрасывая блики по комнате. Комната казалась почти полностью пустой — если не считать дивана, занимавшего две трети периметра округлой стены.

Он повернул голову на звук и увидел, как девушка входит в дверь. Она улыбнулась и заторопилась к нему:

— Так вы проснулись! Как самочувствие? — Она нащупала его пульс.

— Прекрасное.

— Есть хотите?

— Съел бы целую лошадь.

Девушка хихикнула:

— Извините, лошадей нет. Скоро принесу кое-что лучше. Но сразу много не ешьте. — Она выпрямилась. — Дайте-ка я сброшу эти меха.

Она отошла в сторону, добираясь до застежки молнии у воротника. Меха представляли собой один предмет

одежды, который соскользнул с ее плеч и упал на пол. Перри словно обдало ледяным душем, а затем он почувствовал теплое покаяние. меховой комбинезон оказался единственным ее одеянием, и девушка выскользнула из него обнаженной, словно дриада. Сама она не придавала этому никакого значения — просто подняла комбинезон, подошла к стенному шкафчику, который открылся при ее приближении, и повесила меха. Потом она подошла к стене, украшенной фреской, на которой была изображена Деметра с рогом изобилия. Часть стены бесшумно поднялась, открыв взгляду непостижимое множество клапанов, дверок и блестящих приборов. Минут на десять она, напевая, углубилась в работу с приборами. Перри зачарованно смотрел на нее. Его удивление уступило место сердечной благодарности — «дриада» была юная, зрелая и во всех смыслах очень желанная. Ее быстрые грациозные движения вселяли в его душу уверенность, они казались наполненными радостью. Девушка прервала пение и воскликнула:

— Так! Все готово, если больной готов поесть!

Она подняла нагруженный поднос и понесла его в дальнюю часть комнаты. Фреска вернулась на место, и блестящие приборы исчезли. Девушка поставила поднос на диван и потянула за ручку, утопленную в обивке. Ручка последовала за ее рукой, вытащив за собой полочку — примерно в два фута шириной и четыре в длину. «Дриада» повернулась к Перри и позвала:

— Давайте же ешьте, пока горячее.

Перри начал подниматься и застыл. Девушка заметила его нерешительность и забеспокоилась:

— Что такое? Еще слишком слабы?

— Нет.

— Потянули мышцы?

— Нет.

— Тогда подходите, пожалуйста. В чем дело?

— Ну, я... э-э-э... вы понимаете, я... — Как же, черт побери, объяснишь симпатичной девушке, притом совершенно обнаженной, что не можешь подойти к ней, потому что ты тоже без одежды? Особенно учитывая, что она, похоже, не знает, что такое благопристойность.

Она склонилась над ним с заметным беспокойством. Да ну и черт с ним, сказал себе Перри и стал выбираться из постели. Он слегка пошатывался.

— Могу я предложить свою помощь?

— Благодарю, я в полном порядке.

Они уселись по разные стороны стола-полки. Девушка прикоснулась к кнопке, и крупный фрагмент стены рядом с ними отъехал вверх, открывая окно и за ним великолепный вид. По изрезанному горному склону, через каньон, маршировали высокие сосны. Вверху по каньону, правее ярдах в восьмистах, водопад вывешивал дымку, трепещущую на легком ветру. Затем Перри взглянул вниз — под окном ничего не было. Головокружение цепилось в него, и он будто снова завис на ограждении, глядя на пляж поверх капота своего автомобиля. Он снова услышал собственный крик. Ее руки уже обвивали его, успокаивая. Он собрался с духом.

— Все в порядке, — пробормотал он, — но прошу, закройте ставни.

Она не стала спорить и ничего не ответила, но сразу закрыла ставни.

— Теперь можете поесть?

— Да, думаю, что могу.

— Тогда ешьте, а потом поговорим.

Они ели молча. Перри с интересом изучал свою пищу. Прозрачный суп, какое-то желе с мясным ароматом, стакан молока, легкие булочки с несоленым маслом, несколько видов фруктов — сладкие апельсины размером с грейпфрут и с кожурой, как у мандарина, какие-то незнакомые ему желтые фрукты и бананы в черных веснушках. Посуда — легкая, словно бумага, — была покрыта твердой блестящей глазурью. Вилки и ложки из того же материала. Наконец он одолел последний фрукт и собрал крошки последней булочки. Девушка закончила есть раньше и наблюдала за ним, опершись на локти.

— Вам лучше?

— На порядок.

Она переставила посуду на поднос, подошла к камину, сбросила все в огонь, после чего вернула поднос в стойку

среди блестящих приборов (Деметра послушно скользнула в сторону, открывая их).

Возвратившись, девушка задвинула полку-стол и протянула Перри тонкую белую трубочку:

— Курите?

— Спасибо.

Сигарета длиной дюйма в четыре походила на какое-то русское варварство. Ароматизированная, решил Перри. Он затянулся сначала осторожно, затем глубоко, заполняя легкие дымом. Настоящий виргинский табак. Единственное в этом доме, что казалось абсолютно домашним и нормальным. Она тоже глубоко затянулась и затем заговорила:

— Что ж, кто вы такой и как попали на этот склон? А прежде всего, как вас зовут?

— Перри. А вас?

— Перри? Красивое имя. Я Диана.

— Диана? Можно было догадаться. Идеально подходит.

— Для Дианы я немного округлая, — она хлопнула себя по бедру, — но рада, что оно вам нравится. Так как же вы заблудились во вчерашней метели без подходящей случаю одежды и без еды?

— Я не знаю.

— Вы не знаете?

— Нет. Понимаете, как получилось: я ехал по серпантину и встречная машина попыталась обогнать грузовик на подъеме. Я отрулил в сторону, чтобы не столкнуться с ней, и мое правое переднее колесо запрыгнуло на отбойник, так что мы с машиной его перелетели, и последнее, что я помню, — как, падая, смотрел на пляж. И затем проснулся уже в метели.

— Это все, что вы помните?

— Да, ну и как вы мне помогли потом, разумеется. Только я думал, что вы — та самая девушка в зеленом купальнике.

— Девушка в чем?

— В зеленом купальном костюме.

— О. — Она на секунду задумалась. — Как вы сказали, почему так вышло, что вы перелетели через отбойник?

— Думаю, что случился прокол при ударе об ограждение.

— Что такое прокол?

Он посмотрел на нее:

— Я имею в виду, лопнула шина при ударе об ограждение.

— Но почему она лопнула?

— Слушайте, вы, вообще-то, водите машину?

— Ну нет.

— Что ж, если наполненная воздухом резиновая покрывка соприкасается с острым предметом на достаточно высокой скорости, она с большой вероятностью лопнет — из-за прокола. В этом случае может произойти все, что угодно. В моем случае — перелет через ограждение.

Девушка выглядела напуганной, ее глаза расширились. Перри добавил:

— Не переживайте так сильно. Я не пострадал.

— Перри, когда это произошло?

— Произошло? Ну как же, вчера... Нет, возможно...

— Нет, Перри, дату, назовите дату!

— Двенадцатое июля. И кстати, в связи с этим у меня вопрос, тут часто идет снег в июле?

— Какого *года*, Перри?

— Какого года? Этого, разумеется!

— Какого *года*, Перри, назовите число.

— А вы разве не знаете? Одна тысяча девятьсот тридцать девятый.

— Одна тысяча девятьсот тридцать девятый, — медленно повторила Диана.

— Тысяча девятьсот тридцать девятый. Какого черта? Что не так?

Она вскочила и стала нервно ходить взад и вперед по комнате, затем остановилась и посмотрела на него:

— Перри, приготовьтесь к потрясению.

— Хорошо, говорите.

— Перри, вы сказали, что вчера было двенадцатое июля тысяча девятьсот тридцать девятого года.

— Да.

— Что ж, сегодня седьмое января две тысячи восемьдесят шестого.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Какое-то время Перри сидел не шевелясь.

— Повторите-ка.

— Сегодня седьмое января две тысячи восемьдесят шестого.

— Январь, седьмое, две тысячи восемьдесят шестого. Невозможно, я сплю и очень скоро проснусь. — Он поднял взгляд на девушку. — Значит, вы все-таки не настоящая. Просто сон. Просто сон. — Перри обхватил голову руками и устался в пол.

Его вернуло к действительности прикосновение к руке.

— Посмотрите на меня, Перри. Возьмите меня за руку. — Она взяла его за руку и сжала ее. — Вот. Я настоящая? Перри, вы должны смириться с этим. Не знаю, кто вы и что за странная вещь с вами произошла, но вы здесь, в моем доме, в январе две тысячи восемьдесят шестого года. И все будет хорошо. — Диана взяла его рукой за подбородок и повернула его лицо к себе. — Все будет хорошо, обещаю.

Он смотрел на нее испуганным взглядом человека, который боится, что сходит с ума.

— А теперь успокойтесь и расскажите, почему вы думаете, что вчера были в тысяча девятьсот тридцать девятом году?

— Да потому, говорю вам, что *был* там! И это был именно тысяча девятьсот тридцать девятый, потому что так *было*, — и никак иначе!

— Хм, нет, так мы не продвинемся. Расскажите мне о себе. Ваше полное имя, где вы живете, где родились, чем занимаетесь и так далее.

— Что ж, меня зовут Перри Вэнс Нельсон. Родился в Жираре, штат Канзас, в тысяча девятьсот четырнадцатом. Я инженер-баллистик и пилот. Понимаете, я флотский офицер. И до сегодняшнего дня нес службу в Коронадо, что в Калифорнии. Вчера — или когда там это было — я ехал из Лос-Анджелеса в Сан-Диего, возвращаясь из увольнения, и вот этот парень на зеленом седане меня выдавливает, и я разбиваюсь на пляже.

Диана курила и обдумывала его слова.

— С этим вроде ясно. За исключением, разумеется, того, что вам, выходит, сто семьдесят два года, и это не объясняет, как вы сюда попали. Перри, вы не выглядите настолько старым.

— Что ж, и каков ответ?

— Не знаю. Вам приходилось слышать о шизофрении, Перри?

— Шизофрения? Расщепление личности. — Он взвешивал идею и взорвался: — Ерунда! Если я и безумен, то только в этом сне. Говорю вам, я — Перри Нельсон. Я ничего не знаю о две тысячи восемьдесят шестом, а о тысяча девятьсот тридцать девятом я знаю все.

— А вот тут у меня зацепка. Я бы хотела задать вам несколько вопросов. Кто был президентом в тысяча девятьсот тридцать девятом?

— Франклин Рузвельт.

— Сколько штатов в конфедерации?

— Сорок восемь.

— Сколько сроков занимал пост Ла Гуардия?

— Сколько? У него как раз был второй срок.

— Но вы только что сказали мне, что президентом был Рузвельт.

— Верно. Все верно. Рузвельт был президентом. Ла Гуардия — мэром Нью-Йорка.

— О!

— Почему это вы спросили? Ла Гуардия что, стал президентом?

— Да. На два срока. Самые популярные актеры телевидения в тысяча девятьсот тридцать девятом?

— Да не было таких. Телевидение еще не было распространено. Послушайте, вы вот допрашиваете меня о тридцать девятом, а мне-то откуда знать, что это действительно две тысячи восемьдесят шестой?

— Идите сюда, Перри. — Она подошла к стене рядом с камином, и новая секция стены отъехала в сторону.

«Как неприятно, — подумал Перри, — все соскальзывает и уезжает».

Теперь перед ним находились полки с книгами. Диана протянула ему тонкую книжку.

— «Астрономический альманах и эфмериды 2086», — прочитал Перри.

Затем она выудила старинный том с пожелтевшими от времени страницами. Открыв его, Диана указала на титульный лист: «Синклер Льюис. Галиот Господень. 1-е издание, 1947».

— Убедились?

— Видимо, у меня нет выхода. О боже!

Перри бросил сигарету в огонь и принялся нервно вышагивать по комнате.

— Слушайте, у вас здесь есть алкоголь? — спросил он, наконец остановившись. — Можно мне выпить?

— Выпить что именно?

— Виски, бренди, ром — что угодно с дозой стимулятора.

— Думаю, я смогу вам помочь.

Диана снова побеспокоила Деметру и вернулась, держа в руках бутылку в форме куба, наполненную янтарной жидкостью. Она налила на три пальца этой жидкости в чашку и добавила маленькую желтую таблетку.

— Это что?

— Суррогат ямайского рома и легкий транквилизатор. Угощайтесь. У меня появилась идея.

Она прошла в дальний конец комнаты, села на диван и вытянула из стены небольшую панель, похожую на переднюю панель выдвижного ящика. Подняла квадратный экран со стороны сантиметров тридцать и нажала несколько клавиш. Затем произнесла:

— Архивы Лос-Анджелеса? Говорит Диана 160-398-400-48А. Запрашиваю поиск по газетам Лос-Анджелеса и Коронадо за двенадцатое июля тысяча девятьсот тридцать девятого года, заметки об автомобильной аварии с участием офицера флота Перри Нельсона. Наценка за срочность допускается. Бонус за результаты в течение получаса. Сообщить по готовности. Спасибо, освобождаю линию.

Оставив ящик снаружи, она вернулась к Перри:

— Придется нам немного подождать. Не возражаете, если я теперь открою вид?

— Нисколько. Я и сам не прочь взглянуть.

Они уселись в западном конце комнаты, где перед тем ели, и ставни раскрылись. Полдень миновал, и солнце приближалось к склону горы. В каньоне лежал снег, а сквозь кроны деревьев струился янтарный солнечный свет. Они сидели молча и курили. Диана налила себе чашку суррогата и время от времени подносила ее к губам, делая глоток. Наконец в открытом ящике вспыхнул зеленый свет, прозвучала глубокая нота гонга. Диана нажала кнопку рядом с собой и заговорила:

— Диана 400-48 на связи.

— Сообщение из архивов. Результативно. Запрашивается местоположение.

— Станция «Телевид Рино», доставка пневмопочтой, пункт назначения G610L-400-48, наценка за срочность по всему маршруту, бонус за доставку в течение десяти минут. Спасибо. Отключаюсь.

— Вы сказали — Рино. Это рядом с нами?

— Да, мы примерно в тридцати километрах к югу от озера Тахо.

— А в Рино все еще можно быстро развестись?

— Быстро развестись? О нет, Рино теперь совсем не то место, ведь разводов больше не существует.

— Не существует? А что делают муж и жена, если они не могут ужиться вместе?

— Они не живут вместе.

— Получится неудобно, если один из них снова влюбится, вам не кажется?

— Нет, поймите же, Перри... О боже! Сколь многому вас нужно научить! Не знаю, с чего начать, так что я, наверное, просто рвану вам навстречу и попытаюсь отвечать на ваши вопросы. Для начала — никакое юридическое соглашение не нарушается, по крайней мере в том виде, в каком вы это понимаете. Существуют домашние контракты, однако они не связаны с браком в религиозных или сексуальных аспектах. И любой из таких контрактов подвержен тем же процедурам, что и любой светский контракт.

— Но разве это не приводит к запутанным ситуациям, семья распалась, дети непонятно чьи? Как же дети? Кто их обеспечивает?

— Разумеется, они сами себя обеспечивают — на свое наследство.

— На свое наследство? Они не могут все быть наследниками.

— Но они... Ох, слишком сложно. Придется мне раздобыть для вас кое-какую историю и кодекс обычаев. Все эти вопросы связаны с глубокими изменениями в экономике и социальном строе. Позвольте спросить, чем был брак в ваше время?

— Чем был? Гражданским контрактом между мужчиной и женщиной, и часто этот контракт подкреплялся религиозной церемонией.

— А что предусматривал этот контракт?

— Он предусматривал массу вещей, но многие не упоминались в явном виде. Согласно такому контракту двое жили вместе, женщина, если можно так выразиться, трудилась для мужчины, а он поддерживал ее финансово. Они спали вместе, и никому из них не положено было иметь интрижки на стороне с кем-либо еще. Заведя детей, поддерживали их, пока те не вырастут.

— И какие же цели преследовали подобные договоренности?

— Полагаю, это делалось в основном для блага детей. Их оберегали... Им давали имена... И женщин защищали и поддерживали и заботились о них во время беременности.

— А что получал от этого мужчина?

— Ну, он... Скажем так, он получал налаженный быт и семейную жизнь, кого-то, кто для него готовил, и тысячу других приятных мелочей, и, если вы простите мне эту подробность, женщину, с которой можно спать всегда, когда захочется.

— Давайте начнем с конца, всегда ли именно с ней он хотел спать, как вы затейливо выразились?

— Да, полагаю так, а иначе он, наверное, не попросил бы выйти за него замуж. Нет, Богом клянусь, я знаю, что это неправда. Возможно, это так и было, когда они только поженились, но я чертовски хорошо знаю, что большинство женатых мужчин каждый день встречают дру-

гих женщин, которых предпочли бы собственным женам. Я таких навиделся в каждом порту.

— А сами вы, Перри?

— Я? Я не... Я не был женат.

— Разве вам не встречались женщины, которыми вы желали бы насладиться в физическом плане?

— Безусловно. Множество.

— Тогда почему вы не женились?

— Ох, сам не знаю. Наверное, не хотел связывать себя.

— Не будь у мужчины детей, которых нужно содержать, и такой жены, которую нужно содержать, был бы брак для него обузой?

— Безусловно, в каком-то смысле. Она ожидала бы, что он все будет для нее делать, скандалила бы, увидев его с другой женщиной, и ожидала бы, что он станет развлекать ее сестер, двоюродных сестер и теток, и обижалась бы, если бы ему пришлось выйти на работу в день годовщины свадьбы.

— Господь милосердный! Ну и картина. Я не все ваши выражения понимаю, но звучит это невыносимо.

— Конечно, не все женщины такие, есть и хорошие боевые подруги, но до свадьбы это невозможно определить.

— По вашему описанию похоже, что мужчина ничего не приобретал посредством брака, кроме постоянно доступной любовницы. И скажите-ка, разве в то время не было возможности нанимать женщин дешевле, чем обходилось пожизненное содержание одной жены?

— О да, безусловно. Но нанятые женщины большинство мужчин не устраивали. Понимаете, мужчине не нравится, если женщина ложится с ним в постель только потому, что у него есть деньги.

— Но вы только что сказали, что женщины выходили замуж, чтобы их содержали.

— Я не совсем это имел в виду. Дело не только в этом. По крайней мере, обычно — не только в этом. В любом случае все не так. И, кроме того, мужчины не всегда играют в эту игру. Понимаете, мужчина женится отчасти для того, чтобы получить эксклюзивные права на внимание

женщины, особенно это касается ее тела. Но многие заходят слишком далеко. Брак — не оправдание для того, чтобы бить жену по лицу за два танца с другим, а я видел и такое.

— Но зачем мужчине стремиться к эксклюзивному обладанию женщиной?

— Он стремится к этому естественным образом, это заложено в него природой. И еще мужчина хочет точно знать, что его дети — законнорожденные.

— Мы в наше время уже не так уверены, Перри, что подобные особенности закладываются, как вы выразились, природой. А слово «незаконнорожденные» вышло из употребления.

В этот момент на другом конце комнаты вспыхнул янтарный огонек. Диана поднялась и быстро вернулась со свитком бумаг:

— А вот и они. Смотрите.

Она развернула бумаги и разостлала их на столе-полке. Перри увидел, что это фотостатические¹ копии полос из «Лос-Анджелес таймс», «Геральд-экспресс» и «Дейли ньюс» от 13 июля 1939 года. Диана указала на заголовки.

ПИЛОТ ВМФ ПОГИБ В АВТОКАТАСТРОФЕ

Торрей-Пайнс, Калифорния, 12 июля. Лейтенант Перри В. Нельсон, пилот ВМФ из Коронадо, погиб сегодня, не справившись с управлением автомобилем и вылетев за ограждение, где и разбился о камни. Лейтенант Нельсон выпрыгнул или вывалился из машины и упал головой прямо на груды камней у подножия обрыва, разбив себе череп. Смерть наступила мгновенно. Мисс Диана Бервуд из Пасадены как раз загорала на пляже и едва избежала травм. Она попыталась оказать первую помощь, затем оценила высоту падения и сообщила об аварии проезжавшему мимо водителю.

Похожие заметки были и в других газетах. А «Дейли ньюс» дала врезку с Перри в униформе. Диана изучила фотографию с интересом.

¹ *Фотостат* — копировальный аппарат начала XX в., создававший копии документов фотографическим способом. — *Примеч. С. В. Голд.*

— История совпадает до мелочей, Перри. А вот он не очень-то на вас похож.

Перри тоже взглянул:

— Надо сказать, не так уж плохо, учитывая плохую передачу полутонов.

— Удивительно, что он вообще на вас похож.

— Почему вы так говорите, Диана? Вы мне разве не верите? — На лице его отчетливо отразилась боль.

— О нет-нет. Я верю, что вы говорите буквально правду — ту, что знаете. Но подумайте сами, Перри. Голова на этой фотографии — если верить газете — уже больше века как обратилась в прах.

Перри смотрел на девушку, и в его глазах появилось выражение ужаса. Он закрыл глаза и схватился руками за голову. В таком положении он и оставался — отвернувшись, в напряженной позе — несколько минут, пока не почувствовал нежное прикосновение к своим волосам. Диана склонилась над ним, в глазах ее читались жалость и сострадание.

— Перри, прошу, послушайте. Я никоим образом не желала вас растревожить. Специально я не причиню вам боли. Я хочу быть вашим другом, если вы мне позволите. — Диана мягко отстранила его руки от висков. — Перри, с вами произошло нечто странное и чудесное, и мне оно совершенно непонятно. В некотором смысле это ужасно и определенно внушает страх. Но могло ведь быть и хуже, гораздо хуже. Мир, в котором вы оказались, совсем не плох. Я считаю, что он, напротив, дружелюбный. Мне он нравится, и уверена, что это в любом случае лучше, чем разбиться у подножия обрыва. Прошу, Перри, позвольте вам помочь.

Он дотронулся до ее руки:

— Ты хорошая девчонка, Ди, но со мной все будет в порядке. Думаю, это просто шок. От осознания того, что весь знакомый мне мир умер, исчез. Я это, конечно, понял, когда ты сказала мне, какой год, но не осознавал, пока ты не сказала, что я тоже мертв, во всяком случае мое тело. — Он вскочил. — Но позволь! Если мое тело мертво, откуда же, во имя всего святого, я взял это? — И он хлопнул себя по боку.

- Не знаю, Перри, но у меня есть идея.
- И что же произошло?
- Пока не знаю. Но мы можем кое-что сделать, чтобы это выяснить. Пойдем.

Она открыла ящик с прибором для связи и нажала кнопку. На экране возникла симпатичная рыжая девушка. Она улыбалась. Диана заговорила:

— Рино. Пожалуйста, подключите Вашингтон, отдел регистрации, сектор идентификации.

— Принято, Диана. — Рыжая исчезла.

— Она тебя знает?

— Вероятно, узнала. Ты потом поймешь.

Вскоре появилось другое лицо — внимательного сидящего мужчины.

— Запрашивается идентификация, — сказала Диана.

— На кого из вас?

— На него.

— Принято. Займите положение. — Лицо исчезло, и на экране возник прибор, похожий на кинокамеру.

— Подними правую руку, Перри, — прошептала Диана.

Перри так и сделал. Седой мужчина вновь возник на экране:

— Послушайте, я не могу провести анализ, если вы двигаетесь. Вы разве никогда не пользовались телефоном?

— Я... думаю, нет. — Перри смутился.

Легкое раздражение в голосе мужчины пропало.

— Что стряслось, друг? Выпал из реальности?

— Можно сказать и так.

— Это другое дело. Я тебя быстро верну в норму. Тогда у тебя не будет сложностей с ориентированием. Сейчас просто делай, как я говорю. Правая рука ладонью в мою сторону примерно в двадцати сантиметрах от экрана. Ты ее наклоняешь. Поверни параллельно экрану. Так. Держи ровно. — Мягкое жужжание и щелчок. — Вот и все. Полное досье или только имя и номер?

Вмешалась Диана:

— Короткое досье, пожалуйста, но развернутую последнюю статью. Станция «Телевид Рино», доставка пневмопочтой, G610L-400-48, с наценкой за срочность.

- Записать на его счет, когда получу номер?
- Нет, на мой. Диана, 160-398-400-48А.
- О-о-о! А я так и подумал, что это вы.
- Это личный запрос. — Голос Дианы был холоден

и резок.

Лицо мужчины на мгновение отразило негодование, затем он стал совершенно безучастным.

— Мадам, я официально занимаю должность клерка отдела регистраций. Мне досконально известны сферы публичных и личных действий, равно как и пределы моих полномочий, и принесенной мной присяги.

Диана тут же растаяла:

— Мне жаль. Правда. Пожалуйста, простите меня.

Мужчина расслабился и улыбнулся:

— Конечно, мисс Диана. Вы, наверное, будете настаивать на соблюдении сферы, но, если позволите, для меня было бы честью оказать вам эту услугу.

— Нет, прошу выставить обычный счет. А вот я могу оказать вам услугу? — Она склонила голову.

Клерк в ответ кивнул.

— Вероятно, фото? — спросила она.

— Если мадам угодно.

— Мое последнее стерео. Лицо или полностью?

Мужчина лишь молча кивнул.

— Я пришлю оба. Они повстречаются с вашим отчетом в пневмопочте.

— Вы очень любезны.

— Спасибо. Отключаюсь. — И экран погас. — Ну, Перри, скоро мы что-то узнаем. Но я должна отправить бедняге фотографии. Я вовсе не хотела его оскорбить, но он такой чувствительный.

Она вернулась через мгновение с двумя тонкими листами и принялась сворачивать их. Заметив интерес Перри, она остановилась:

— Желаете взглянуть?

— Да, конечно.

На первом изображении было лицо Дианы в цвете, подогретое легкой улыбкой. Перри так испугался, что чуть не уронил фотографию. Полностью стереоскопи-

ческий портрет создавал впечатление, будто смотришь сквозь целлофановую пленку на саму Диану, которая стоит в трех футах от рамки.

— Каким волшебным способом это делают?

— Я не изучаю оптику, и я не фотограф, но знаю, что у стерео действительно есть глубина. Это коллоид примерно пяти миллиметров в толщину. Снимают двумя камерами, поэтому эффект есть только вдоль одной оси. Покрути ее вокруг вертикальной оси.

Перри так и сделал. Изображение стало совершенно плоским, хотя фотографию по-прежнему было видно.

— Теперь наклони под углом примерно сорок пять градусов.

Перри наклонил — и испытал неприятное чувство, наблюдая, как красивые черты лица Дианы плаваются, растекаются и исчезают, пока портрет не превратился в переливающиеся разводы, какие оставляет масло на воде.

— Нужно смотреть на него вдоль подходящей оси и в пределах ограниченного угла обзора — тогда два изображения сливаются в стереоиллюзию. Мозг интерпретирует странное двоящееся изображение, поступающее от разных глаз, как глубину, поэтому, повторив подобное раздвоение, достигают иллюзии объема.

Перри поразглядывал изображение еще немного, поворачивая и наклоняя его. Диана наблюдала за ним с интересом и благожелательным удивлением.

— Могу я увидеть вторую фотографию?

— Вот.

Перри взглянул на фото и поперхнулся. Отчасти он уже начал привыкать к наготу Дианы, а мозг его был настолько загружен, что не успевал много внимания уделять этому вопросу, и все же краешком сознания он постоянно отмечал это. Тем не менее он был потрясен, увидев на второй фотографии — столь же реалистичной, как и первая, и достаточно реальной, чтобы испытать неловкость, — Диану во всей ее милой простоте, и ничего сверх этого. И опять у него запершило в горле.

— Ты собираешься отправить эту, мм... э-э-э... эти фотографии человеку, с которым только что познакомилась по телефону?

— О да, он их хотел бы иметь, а я могу себе это позволить. Кроме того, я вела себя немного грубо. Разумеется, некоторые люди сочтут, что с моей стороны это нахальство — дать ему нечто столь интимное, как портрет с лицом, но мне не жалко.

— Но... э-э-э...

— Что, Перри?

— Ох да, наверное, ничего. Не бери в голову.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чуть позже, когда Диана забавлялась с приборами в нише Деметры, зеленый огонек и гонг объявили о прибытии пакета в пневмопочте.

— Перри, достань его, а? У меня руки заняты.

Перри некоторое время перебирал ручки управления, прежде чем нашел небольшой рычажок, открывающий приемный отсек. Он принес свиток Диане.

— Прочитай вслух, Перри, пока я заканчиваю с ужином.

Он развернул свиток и сразу обратил внимание на фотографию молодого человека, он был похож на Перри — в более юные годы. Он принялся читать вслух:

— «Гордон 932-016-755-82А, гены класса JM, родился 7 июля 2057 года. Поступил в Арлингтонское медицинское училище в 2075-м, одобрен перевод в Институт психологии им. Адлера в 2077-м. Отобран для исследования в 2080 году, когда магистр Фифилд основал Экстрасенсорную станцию. Автор работ „Исследование девиантных данных в экстрасенсорном восприятии“ и (в соавторстве с Пандитом Калимаханом Чандра Роем) „Протей, история эго“. Адрес: Пристанище (Е-2), Калифорния. Неофициально сообщается о добровольном отказе от тела в августе 2083 года; по запросу Совета Пристанища деактивирован в августе 2085 года, тело находится в Пристанище. Баланс счета на момент перевода в неактивное состояние: \$ 11 018,32. С учетом обесценивания: \$ 9802,09. Счет повторно открыт: \$ 9802,09 за вычетом комиссии в \$ 500. Итого: \$ 9302,09 (чековая книжка прилагается)».

СОДЕРЖАНИЕ

НАМ, ЖИВУЩИМ. Роман. <i>Перевод М. Зислиса</i>	5
РЕКВИЕМ	
Реквием. Рассказ. <i>Перевод А. Корженевского</i>	247
Новичок в космосе. Рассказ. <i>Перевод С. В. Голд</i>	270
Пункт назначения — Луна. Рассказ. <i>Перевод С. В. Голд</i>	342
Дочери ведьмы. Стихотворение. <i>Перевод Ю. Зонис</i>	417
Бедный папочка. Рассказ. <i>Перевод С. В. Голд</i>	418
Доска объявлений. Рассказ. <i>Перевод С. В. Голд</i>	428
В это я верю. Эссе. <i>Перевод С. В. Голд</i>	446
Выявленные дефекты. Рассказ. <i>Перевод С. В. Голд</i>	449
Комментарии. <i>С. В. Голд</i>	454